

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 Война / Роман Злотников. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-108275-8

Алекс Штрауб, невольно ставший путешественником во времени, приложил множество усилий для того, чтобы изменить будущее. После нескольких попыток, каждый раз делавших «наше время» всё более и более удручающим, ему в голову приходит идея временно перенести с собой в будущее Иосифа Виссарионовича. Поправив здоровье вождя и предоставив ему информацию о возможных вариантах развития истории, его возвращают обратно. И вот уже СССР подходит к началу Второй мировой войны в полной боевой готовности. Но возможно ли переломить ход великой войны, даже будучи хорошо информированным? Ведь каждый новый шаг Сталина рождает и новые последствия, предсказать которые весьма затруднительно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р. В., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108275-8

ГЛАВА 1

— Шентя затёртая, жердина Зевесова...

— Това-арищ майо...

— Молчать! Шелупина клоповская, вошь отшмаренная...

— Ну това-а...

— Молчать, я сказал! Залуполизы, пальцем деланные...

— Кх-хы-хым! — стоявший позади командира пятьсот девяносто первой отдельной эскадрильи высотных перехватчиков ПВО заместитель комэска по пилотированию капитан Кушарёв громким кашлем попытался привлечь внимание своего начальника. Потому как, в отличие от него, увидел подходящего к ним начальника штаба второй воздушной армии полковника Вершинина. Но майор Лобанов самозабвенно обкладывал стоящий перед ним экипаж классическим Большим Петровским загибом.

— Струменты поломанные, мондавоши Папы Римского...

А начальство между тем подходило всё ближе и ближе. Капитан задёргался.

— Эээ... командир, тут...

— Вертоплясы, на рог с яйцами взоткнутые...

И Кушнарёв понял, что обычными средствами этот поток не остановить. Поэтому он набрал полные лёгкие воздуха и отчаянно заорал:

— Сми-и-ирна! — после чего вскинул руку к пилотке, и, старательно бухая сапогами по примятой траве, двинулся навстречу уже почти подошедшему вплотную начальству.

Подвиг замкомэска не пропал даром. Увлечшийся разносом майор Лобанов вздрогнул, резко развернулся и-и-и, шумно выдохнув, в свою очередь, вскинул руку к виску.

— Товарищ полковник, в пятьсот девяносто первой отдельной эскадрилье проходит разбор полётов...

— Да уж, слышу, — усмехнулся начальник штаба. — И, должен сказать, подобного детального, чёткого и, главное, информативного разбора полёта мне пока ещё за свою жизнь слышать не приходилось. Откуда дровишки, майор?

Комэск и так был весь багровый, а после этого вопроса побагровел ажно чуть не до лиловости. Но начальство спросило, так что надо было отвечать. Лобанов зло зыркнул на двух молодых сержантов, которых только что распекал, и нехотя сообщил:

— Я ж это, до назначения на отдельную эскадрилью в семьдесят первом истребительном авиаполку служил.

— Балтиец, значит, — понимающе кивнул полковник, после чего перевёл взгляд на сержантов.

— Ну что, молодцы, рассказывайте, как вы умудрились новый самолёт угробить.

Лицо комэска, начавшее постепенно приобретать более естественный цвет, снова полыхнуло багровым. Левофланговый сержант поёжился и, бросив отчаянный взгляд в сторону комэска, тихо пробурчал:

— Так это... он же почти на четырнадцать тысячах шёл. Вот и перемерзло всё... и краны выпуска шасси тоже... и сигнализация... даже приборы не работали! На глазок садиться пришлось...

— Товарищ полковник, это — моя вина! — тут же влез капитан Кушнарёв. — Я их без «проводного» на перехват выпустил. Машина-то, считай, знакомая, по большому счёту только движки новые, ну и кое-какое оборудование... А так — в целом, всё тот же «Су-3». Вот я и решил... Виноват!

— Это точно, — кивнул Новицкий. — Виноваты. Все четверо. И задачу не выполнили, и самолёт разбили.

— Так он же аж на четырнадцать тысячах шёл, — вступил в разговор второй сержант. — А у «Су-3ПВ» предельный потолок по документам только двенадцать тысяч.

— И чего вы тогда выше полезли? — резонно заинтересовался полковник.

— Думали, достанем, — угрюмо отозвался первый сержант. — И почти достали. Я даже очередь успел дать, до того как в штопор свалился...

— Ты посмотри?! — делано изумился Вершинин. — Прямо орёл! И толку с твоей очереди?

Ни полковник, ни сержанты, ни все остальные присутствующие даже не подозревали, что та единственная очередь, которую умудрился дать экипаж сержантов, оказалась решающей... Нет, высотный раз-

ведчик «Юнкерс-86» получил весьма незначительные повреждения. И вполне себе ушёл на свою территорию, всего через час после того короткого боестолкновения успешно приземлившись на базовом аэродроме группы Ровеля, расположенном неподалёку от Варшавы. Залп батареи из четырёх мощных четырнадцати с половиной миллиметровых пулемётов, которыми высотный перехватчик вооружили в первую очередь из-за их хорошей настильности, вызванной высокой начальной скоростью тяжёлой пули, достигавшей тысячу метров в секунду, в силу весьма неустойчивого положения дал слишком большой разлёт. Так что из сорока пуль полного секундного залпа в «Юнкерс» попало всего лишь три. И две из них, являвшиеся обычными Б-32, просто прошили навывлет алюминиевый фюзеляж, не нанеся при этом никаких значимых повреждений, а вот третья... Ленты четырнадцати с половиной миллиметровых пулемётов обычно снаряжались вперемежку патронами с обычными пулями и с зажигательными пулями мгновенного действия. Последние были дороги, поэтому чаще всего в ленте на три-четыре обычных Б-32 приходилась одна МДЗ. Это было вполне нормально. Даже Б-32, попав в уязвимую точку, например тот же двигатель, прошивала насквозь блок цилиндров, круша и стенки блока, и поршень, и даже шатун, буде он попадётся на пути, а также напрочь перешибала нервюры крыла и ломала силовые фермы фюзеляжа... Но МДЗ была куда эффективнее. При её попадании просто в обшивку в последней образовывалась дыра диаметром до сорока сантиметров. Не хуже, чем от попадания снаряда

двадцатимиллиметровой автоматической пушки. Но в этот раз то ли из-за слишком низкой температуры и разреженности воздуха на столь большой высоте, то ли просто вследствие небольшого брака пуля сработала не совсем штатно. И прошла обшивку насквозь, почти никак ей не повредив. А сработала лишь тогда, когда ей на пути встретился куда более прочный и массивный объект, нежели тонкий алюминиевый лист. Этим объектом оказался аэрофотоаппарат Rb 75/30. И вот тут-то она и показала себя во всей красе, расколов литой контейнер с массивной кассетой и напроць спалив находящуюся в нём бобину с плёнкой. Так что, несмотря на вполне успешное возвращение на аэродром, данный вылет оказался для немецких асов воздушной разведки совершенно провальным. Боевая задача оказалась не выполнена, и немецкое командование так и не получило последние, самые свежие данные о ситуации с той стороны границы. Что буквально через сутки доставило немцам целую кучу проблем. Но, увы, здесь и сейчас никто об этом даже не догадывался...

— Ладно — как быстро машину восстановить сможете?

— Сутки! — отрезал комэска.

— О как! Даже заключения инженера не дождё-тесь? — удивился полковник. — Ну, добре... приму этот срок. Ладно, занимайтесь, майор, — и, кивнув, развернулся и двинулся в сторону бревенчатой вышки управления полётами.

Здесь, на недавно присоединённых к СССР территориях, советские войска вообще обустривались,

как правило, на скорую руку, предпочитая не вкладываться в капитальные строения. То есть, в лучшем случае, части и подразделения занимали казармы и объекты бывших царской и польской армий, а те, кому их не хватило, размещались во временно приспособленных для этого помещениях. Те же части и соединения, которые прибыли в округ весной и в начале этого лета, вообще обычно располагались в простых палатках и землянках... Да и с капитальными оборонительными сооружениями никто тоже особенно не заморачивался, предпочитая вместо одного бетонного дота обустроить десяток дзотов и вырыть лишние полкилометра траншей и ходов сообщения. Тем более что в отличие от бетонного дота, требовавшего для своего строительства дефицитных цемента и арматуры, а также работы специально подготовленного личного состава и использования спецтехники — от бетономешалок до кранов, ДЗОТы, и уж тем более траншеи с окопами и блиндажами, вполне можно было оборудовать в рамках плановых занятий по инженерной подготовке. Что, кстати, и делалось. Вследствие чего основных, фланговых, запасных и отсечных позиций за прошедшие полтора с лишним года личный состав этих дивизий нарыл туеву хучу. Всё это привело к тому, что даже отдельные роты и батальоны всех этих дивизий были способны, при необходимости, очень быстро выстроить оборону почти в любом направлении. В том числе и круговую...

Вот и на этом аэродроме, вместо обустройства капитальных ангаров и бетонной или кирпичной

вышки управления полётами, ограничились земляными капонирами и бревенчатой вышкой. Несмотря на то что данный аэродром был одним из первых, на которые забазировались советские самолёты. Да что там вышка — даже бетонную полосу не стали делать. Хотя аэродром вследствие того, что на нём к июню сорок первого размещалось под три сотни самолётов нескольких авиационных частей, считался узловым. Правда, в настоящий момент от этого числа на аэродроме осталось, дай бог, два десятка. И в основном из числа прикомандированных. Ну как их эскадрилья. Местные же почти все разлетелись. Учения, мать их... Ещё в прошлое воскресенье начались. Двадцать второго июня. Причём по условиям, максимально приближенным к боевым. Даже боезапас и топливо на «точки подскока» завозились регулярно. И маскировка каждый день проверялась аэрофотосъёмкой. Причём по-серьёзному. По слухам, одного комэска за нарушения мер маскировки уже сняли. Нет, самолёты-то он замаскировал нормально, но вот то, что техники и пилоты после постирушек свои нижние рубахи по соседним деревьям развесили — не проконтролировал. И всё — вся карьера у человека псу под хвост ушла...

Так что начальник штаба второй воздушной армии не просто так торчал здесь всю эту неделю, а по очень важным причинам. Но молодым лётчикам от этого было не легче...

Когда начальство удалилось на достаточное расстояние, комэска развернулся в сторону сержантов и несколько мгновений молча буравил их тяжёлым взглядом, а потом картинно сплонул и припечатал:

— Значица, так — на ближайшие сутки поступае­те в распоряжение инженера эскадрильи. Спать, есть, срать — только когда он отпустит. Всё остальное время — пахать, пахать и пахать. Через сутки самолёт должен быть в строю. Вопросы?

— Никак нет! — дружно грянули сержанты. Комэс­ка сурово кивнул и, развернувшись, широким шагом двинулся в ту же сторону, в которую минутой раньше удалился начальник штаба воздушной армии. Капи­тан Кушнарёв молча показал всё ещё стоящим навыв­тяжку сержантам кулак и поспешно устремился вслед за своим непосредственным начальником.

— Вот и получили по ушам, — в сердцах бросил сержант Вольский, состоявший в составе «героическо­го» экипажа в должности штурмана наведения, а по­путно и бортстрелка. — А всё ты — дотянем, дотянем... Слава богу, вообще не разбились.

— Так ведь дотянули же, — вздохнул сержант Чалый, имеющий честь состоять в том же экипаже, что и Слав­ка Вольский, только в должности командира оно­го.

— Толку-то... — Славка сокрушённо махнул рукой. — Только самолёт разбили.

— Ладно, пошли искать инженера.

— А чего его искать? — улыбнулся Вольский. — Вон он — вокруг нашего самолёта уже крутится. Со своими «колдунами».

«Колдунами» в эскадрильи называли старший тех­состав, входивший в, так сказать, ближний круг инже­нера эскадрильи — старшего техника, старшего ору­жейника, начальника кислородной станции и техника

по обслуживанию бортовых сетей и оборудования. Высотный перехватчик «Су-3ПВ» был машиной сложной, буквально обвешанной различным современным оборудованием. Причём, по большей части, секретным. Поговаривали, что на него собирались ставить даже радиолокатор, для обращения с которым в первую очередь как раз и был предназначен штурман наведения. Даже отсек под него имелся. В носу фюзеляжа. Но пока никакого радиолокатора на самолётах эскадрильи не стояло. Только оптико-механический прицел. Пусть и весьма сложный. Отсек же использовался для размещения парочки дополнительных баллонов с кислородом, благодаря которым, кстати, двум сержантам и удалось забраться так высоко... Так что «Су-3ПВ» ни разу не был массовым самолётом. И состоял на вооружении лишь нескольких отдельных эскадрилий высотных перехватчиков ПВО, штаты которых предусматривали куда большее количество технического персонала, нежели это было принято в других подобных подразделениях. Впрочем, и другие варианты этой машины — «Су-3ПД», представлявший из себя лёгкий скоростной дальний бомбардировщик-пикировщик, и «Су-3Р», являющийся дальним скоростным разведчиком, тоже нельзя было назвать простыми машинами. Но по сравнению с «Су-3ПВ» они были всё-таки чуток попроще.

Инженер встретил их насмешливым:

— Ну что, герои, вляпались?

Оба сержанта насупились и отвели взгляд.

— И чего вас так высоко понесло-то? Сами ж знаете, что выше двенадцати тысяч на этой машине забираться запрещено. А вы куда попёрли?

— А чего его, отпускать, что ли, было? — отгрызнулся Чалый. — Сами же знаете: в прошлую пятницу приказ зачитывали — валить всех.

— По возможности, товарищ сержант, по возможности! — влез техник по обслуживанию бортовых сетей и оборудования. — А где вы эту возможность углядели-то? Я вообще удивляюсь, как вы прямо оттуда не грохнулись! У вас же ни один прибор не работал. Даже триммеры и те заклинило!

— Это просто повезло им, — вступил в разговор старший техник, вытирая руки куском ветоши. Сегодня эвон как солнце жарит — под тридцать градусов температура. Вот у них и получилось технику обмануть. Коль день похолоднее оказался бы — ещё с тринадцати тысяч звезданулись бы и крякнуть не успели.

Сержант Чалый ещё сильнее насупился, но промолчал. А что тут скажешь — так оно и было. Согласно инструкции, оборудование самолёта рассчитано на работу при температуре не ниже минус пятидесяти градусов. А каждый километр высоты — это падение температуры на шесть градусов. Так что будь сейчас погода похолоднее — градусов хотя бы двадцать, эти минус пятьдесят они поймали бы уже на двенадцати тысячах. После чего всё — амба! Нет, кое-какой запас прочности у приборов и механизмов самолёта, возможно, и имелся, но... самолёт-то был новый. И не просто новый, а новейший, то есть летающий на таких высотах и скоростях, на которых раньше никто в СССР и не летал. Ежели только какие уникальные рекордные машины. Так что даже в обычных полётах регулярно случались какие-то косяки — то одно

откажет, то другое. А тут они его загнали на такую немислимую высоту и в дикий холод...

— Ладно, чего уж там теперь, — добродушно махнул рукой инженер. — Главное — всё-таки сели. Пусть и на брюхо. А машину на крыло поставим. Вас ведь комэска нам в помощь отправил?

— Так точно! — хором отозвались оба сержанта. А старший техник несколько картинно поморщился. Ну не одобрял он возрождения старых царских порядков в армии — личные звания, «так точно» всякие... Так, глядишь, и, не приведи бог, погоны додумаются вернуть! Зря всё это сделали, зря, кто бы там что ни говорил...

— Ну, значит, бегом переодеваться, потом в столовую — знаю, что после полёта сильно жрать хочется... Ну а после еды — милости прошу к мастерским. Мы за это время как раз самолёт на шасси подыдем и туда отбуксируем, — и сразу же, без перехода, заорал подъехавшему к самолёту крану:

— Ну куда ты прёшь, куда прёшь?! Справа подавай. К движку. Задницей. На хрен хвост! До хвоста ещё пахать и пахать! Нам ещё закусенные стойки шасси выбивать!

Когда два молодых сержанта скрылись из глаз, стоявший рядом с инженером техник-оружейник покачал головой.

— Зря на них, батя, собак спустил. Всё-таки молодцы парни. Сели на машине, у которой большая часть оборудования не работала. Вот помяни моё слово — Чалый ещё себя покажет.

— Может, и зря, — задумчиво кивнул военинженер. — Но самолёт-то они разбили!